

Это описание воспроизводит довольно близко к тексту, за одним исключением, очерк «Записи», в котором Бунин писал: «В темноте возле меня какой-то осторожный шум, потом свет ручного фонарика, и *кто-то* (курсив здесь и далее мой. — И. Б.) трогает меня за плечо и торжественно и взволнованно говорит вполголоса: — Телефон из Стокгольма».¹⁰

Трудно представить, что Бунин забыл (или не заметил), кто именно тронул его за плечо, тем более что, по свидетельству Кузнецовой в «Грасском дневнике», провожая ее и Бунина в кинотеатр, «Л[еня] спросил, что делать в случае, если придет телеграмма из Стокгольма (...), и сам же ответил, что придет за нами» (с. 346). «Забывчивость» Бунина — скорее, фактическое искажение, отчетливо выраженное нежелание отдать Зурову роль благовестника в своих воспоминаниях, написанных много лет спустя; эту пристрастность легко объяснить, зная о резко ухудшившихся отношениях Бунина и Зурова к концу 1930-х годов. Однако и Цвибак, и все остальные (включая самого гонца) восстанавливают справедливость и упоминают Зурова в этой красиво поставленной и представленной сцене.

Характерны разночтения в описании этого дня. Бунин в 1950 году мифологизирует свое поведение сразу после получения известия о присуждении премии: «Домой я иду довольно быстро, но не испытывая ничего, кроме сожаления, что не удалось досмотреть, как будет играть Киса дальше, и какого-то безразличного недоверия к тому, что мне сообщили».¹¹

Вполне возможно, Бунин видел события именно так, внутренним зрением, которое бывает настолько же отличным от реального, как звучащий внутри нас наш собственный голос, совсем иным предстающий нам, будучи услышан извне, в записи. Перекрестное сопоставление источников помогает восстановить истинную картину.

Г. Н. Кузнецова в «Грасском дневнике» вторит Бунину: «Мы тотчас вышли, пошли спешно домой» (с. 346).¹²

Зуров в интервью, данном З. А. Шаховской, утверждает нечто иное, отчасти прямо противоположное: «...мы шли, и он меня уговаривал все время, что это не так, что это ошибка, что плохо услышали и т. д. и т. д. Но шел он очень медленно. Он волновался страшно, но скрывал, что волнуется. И всю дорогу останавливался, сбивал палкой камешки с дорожки и говорил: „Нет, нет, нет, нет! Вы ослышались! Это не так! Кто-нибудь подшутил”».¹³

По словам Зурова, они с Буниным вернулись на Бельведер вдвоем: «Галина Николаевна пошла к сапожнику, потому что у Веры Николаевны туфли были в починке». И у самой В. Н. Буниной в очерке «То, что я запомнила о Нобелевской премии» читаем: «Он [Бунин] вернулся с Леней, Галя пошла к сапожнику, вспомнив, что я без башмаков, не могу выйти». И чуть ниже она отмечает: «Вернулась Галя с башмаками».¹⁴

Могут ли свидетельства двух текстов — Буниной и Зурова — считаться более аутентичными просто по причине количественного преобладания? Едва ли: очерк Буниной был опубликован в «Новом журнале» в 1962 году тем же Зуровым и, значит, был ему хорошо известен. С другой стороны, он был известен и Кузнецовой, которая издала «Грасский дневник» в 1967 году и никак не прокомментировала несовпадение в их текстах. Но и описание Зурова, дающего радиоинтервью через 30 лет после событий, вступает в противоречие с очерком Буниной, где она передает его рассказ об их дороге домой следующим образом: «Дорогой я ему все расска-

¹⁰ Бунин И. А. Записи // Иллюстрированная Россия. 1936. № 11. 7 марта. С. 2—3.

¹¹ Там же.

¹² Уместно оговорить, что эта запись сделана не 9-го, а 15 ноября 1933 года.

¹³ Интервью французскому радио (1963) (Leeds Russian Archive. MS. 1066/7892).

¹⁴ Бунина В. Н. То, что я запомнила о Нобелевской премии // Муромцева-Бунина В. Н. Жизнь Бунина. 1870—1906: Беседы с памятью. М., 1989. С. 483.